

Рассказы

Гаджи Казан

Однажды утром Гаджи Салман, как только проснулся, позвал дворника – дядюшку Гулама и ласково сказал:

– Дядя Гулам, пойдика, узнай, что нового. – Гаджи Салман имел в виду новость о большевистском правительстве.

Каждый день, получая от Гаджи Салмана такое поручение, дядя Гулам, глядя на него со злостью, говорил:

– Э, Гаджи, ты уж совсем надоел нам... Что нового, я могу тебе сказать? Забудь о прошлом, оно кончилось и никогда не вернётся...

После этого дядя Гулам качал головой и добавлял:

– Опять иди, узнай, что нового!.. А что может быть нового?

Гаджи Салман, зная характер дяди Гулама, не хотел раздражать его и поэтому обращался с ним ласково и осторожно.

– Ай, душа моя, кто знает, что будет! Такова уж жизнь, кому везёт вначале, а кому в конце. Тебе же это известно не хуже, чем мне.

Дядя Гулам обрывал Гаджи Салмана на полуслове:

– Да, да... Я как раз то же самое говорю. Кому везёт в начале жизни, а кому в конце. Видели мы царствование господ, доведётся увидеть и конец их.

Дядя Гулам не любил Гаджи Салмана, и поэтому ему было приятно видеть его в постоянном страхе, растерянным. При каждом удобном случае дядя Гулам не стеснялся дать почувствовать это бывшему хозяину.

Гаджи Салману всё было хорошо известно, но он не считал нужным вступать в спор с дядей Гуламом. Выслушав ворчание дяди Гулама, он всё-таки настоял на своём и отправил его за вестями о правительстве.

По происхождению Гаджи Салман был сельским богачом. Ещё в молодости он переехал в город, занялся коммерцией и в результате стал владельцем маленького парохода, двух парусных шаланд и двух домов. Кроме того, у Гаджи была ещё торговая контора, которая вела торговлю с Ираном. Дома, пароход, шаланды и торговая контора давали возможность Гаджи с каждым годом увеличивать свой

капитал. Но это не мешало Гаджи постоянно жаловаться на свою бедность, на низкие доходы, на ветхость домов, требующих ремонта, на убыточность шаланд. Разумеется, никто не верил жалобам Гаджи. Дядя Гулам был односельчанином Гаджи. В молодости, как он говорил, он прошёл сквозь огонь, воду и медные трубы, и только позднее, будучи вынужден покинуть деревню, переехал в Баку и нанялся дворником к Гаджи.

Несмотря на то, что дяде Гуламу перевалило уже за шестьдесят, он был подвижным, бодрым и неутомимым работником. С утра до вечера дядя Гулам трудился в доме Гаджи Салмана, получая всего десять рублей в месяц, и то нерегулярно. Иногда в течение трёх-четырёх месяцев от Гаджи Салмана не удавалось получить ни копейки, а когда дядя Гулам осмеливался просить денег, Гаджи начинал укорять его:

– Ну, куда ты деваешь эти деньги? Квартира бесплатная, воду и свет тоже получаешь бесплатно. Нельзя же тратить столько денег!

В такие минуты дядя Гулам очень сердился, но ничего не мог сказать, потому что, то было время могущества Гаджи. Слуги не осмеливались спорить с ним. Дядя Гулам, подобно провинившемуся человеку, тихо произносил:

– Деньги мне нужны, Гаджи, – и подняв голову, смотрел на Гаджи.

Гаджи Салман нехотя лез в правый карман, долго возился там, звеня ключами, затем шарил в другом и, наконец, достав из нагрудного кармана бумажник, открывал его, доставал два или три рубля и протягивал их двумя пальцами дяде Гуламу:

– На, возьми, потом рассчитаемся.

Он знал, что дядя Гулам, будучи зависим от него, не станет возражать.

Но после революции дядя Гулам обрёл дар речи, начал разговаривать с Гаджи Салманом совсем по-другому, потому что почувствовал и понял, что революция отняла у Гаджи Салмана его былую славу и власть.

И в самом деле, революция обломала Гаджи Салману крылья. Дома у него отобрали, пароход был передан правительству, все товары были опечатаны, и даже четыре из шести комнат, в которых жил сам Гаджи Салман, по решению коммунального хозяйства были отданы совсем чужим и незнакомым людям. Это обстоятельство больше всего возмущало Гаджи.

– Вот так дела! И квартиру мою хотят отобрать!

По какому праву? Я трудился, выстроил себе дом, а теперь должен ютиться в двух комнатках! Никак не могу понять, при чём здесь правительство!

Дядя Гулам слушал эти слова Гаджи, улыбался и говорил:

– Эй, Гаджи, хоть раз ты подумал о тех, кто живёт в подвалах? Большевики всё-таки очень добрые люди, они отнеслись к тебе с уважением, оставили тебе две комнаты.

Гаджи Салмана грызла злость, но он не осмеливался больше говорить об этом.

Гаджи Салман вообще был недоволен новшествами. Особенно раздражало его соседство русского матроса, занявшего большой зал Гаджи. Этот матрос, живший в его любимом зале, изуродовал там все стены, на которых были нарисованы пароходы и корабли. Он развесил на стенах чьи-то портреты, каких-то Маркса, Ленина, всяких революционеров. Что может Гаджи сказать ему? Как скажешь ему: не порть стены? Не тут-то было! Когда матрос встречался с Гаджи, от его взглядов Гаджи бросало в дрожь.

– Этот матрос очень опасный человек, – жаловался всем знакомым и близким Гаджи.

Дядя Гулам, чтобы еще больше припугнуть Гаджи, говорил:

– Гаджи, смотри, берегись его, это отъявленный большевик, ничего лишнего не говори при нём, а то несдобровать.

Хотя слова дяди Гулама злили Гаджи Салмана, он не подавал виду.

«С тобой тоже потом поговорим», – думал он про себя.

Сегодня, как и обычно, Гаджи Салман послал дядю Гулама узнать новости о большевистском правительстве.

От дяди Гулама требовалось только, чтобы он сходил поглядеть на флаг, водружённый над зданием бывшей городской думы. Если там по-прежнему развевается красный флаг, значит, хозяйничают ещё большевики, если же подняли другой, значит, власть переменялась. Только сам Гаджи Салман знал, с каким нетерпением он ждал этого дня!

Каждый день, посылая дядю Гулама, Гаджи Салман надеялся, что дворник принесёт ему долгожданное известие, которое положит конец его чёрным дням. Тогда уж Гаджи покажет себя. Он самолично рассчитается с теми, кто отнял у него богатство.

Но увы!.. Дядя Гулам возвращался и, смеясь говорил:

– Гаджи... Кляни свою судьбу... флаг на месте, может быть, даже стоит ещё крепче.

Услышав это, Гаджи, не говоря ни слова, снова погружённый в своё горе, набрасывал на себя сюртук и уходил к приятелям...

Сегодня Гаджи Салман после ухода дяди Гулама вышел к уличным воротам и с нетерпением ждал его возвращения. На этот раз сердце Гаджи было полно предчувствия. Он не сомневался в том, что на этот раз дядя Гулам обязательно принесёт новые вести...

И действительно, дядя Гулам вернулся с новостью, только не с той, которую так ждал Гаджи Салман.

Дядя Гулам сообщил, что флаг на своём месте, а кроме того, говорят, что большевики будут производить обыски в домах.

– Как это, будут обыскивать дома?

– Так точно, а какие, они сами знают, – ответил дядя Гулам. Затем, подумав немного, добавил:

– Тебе, Гаджи, ведь лучше знать, что может быть у вас. Ну, там золото, бриллианты, разные другие драгоценности... Мы ничего этого не видели и даже названия не знаем.

Гаджи Салман ничего не ответил... нахмурил брови и задумался. Затем повернулся и направился к своим старым друзьям.

Маршрут Гаджи Салмана был заранее известен. Сначала он шёл к мечети своего квартала. Здесь он мог встретить Кербалаи Ахада, Нифталы бека Сабунчинского, сына известного своей скупостью Гаджи Казым бека, Наджаф бека, проигравшего в карты всё своё состояние. Все они, как и Гаджи Салман, лишились всего и с нетерпением ждали конца большевистской власти. Каждый день при встречах приятели вдоволь изливали друг другу душу и вновь расходились по домам.

Сегодня Кербалаи Ахад стоял около мечети и беседовал с одним ираванским беком. Гаджи Салман уже несколько раз слышал историю этого бека, которого тоже ограбили большевики. Бек вынужден был бежать, покинув родину...

Гаджи Салман поздоровался и обычным тоном спросил Кербалаи Ахада:

– Кербалаи, как идут дела? Какая нынче погода?

Задавая друг другу этот вопрос, они очень хорошо понимали его тайный смысл и тем самым сообщали друг другу собранные за день сведения.

Инсталляция "Расстрел политического заключенного". Музей жертв политических репрессий, Баку

На этот раз Кербалаи Ахад, приблизившись к Гаджи Салману и оглядываясь по сторонам, тихо прошептал:

– Говорят, что будут обыскивать дома.

– Я тоже слышал. Что это всё значит?..

Кербалаи Ахад покачал головой и продолжал:

– Эх, да что там. Ещё не то придётся увидеть. Чему ты удивляешься? Вышел приказ, что должны обыскать квартиры всех уважаемых людей, отобрать всё хорошее, что попадётся на глаза, начиная с одежды, постели и кончая золотом, серебром.

Говоря об «уважаемых» людях, Кербалаи Ахад имел в виду таких, как Гаджи Салман и он сам.

Гаджи Салман хотел разузнать всё более подробно. Кербалаи Ахад начал высказывать ему свои соображения.

– Говорят, одежду тоже, но это неправда... Самое главное, они ищут золото и серебро. Знают – у кого больше, у кого меньше, но у каждого есть драгоценности и золото... Весь вопрос в этом. Всё равно отберут... Но нам нельзя сидеть сложа руки, нужно что-нибудь придумать.

Вести, принесённые дядей Гуламом, оказались верными. Но Гаджи Салман никак не хотел принять это.

– Что ты говоришь, какое ему дело до моих личных вещей? Что это значит?

Никто ничего не ответил Гаджи Салману. Улыбаясь, они следили за выражением лица Гаджи Салмана, недовольство которого сменилось возмущением и, наконец, гневом. Видно было, что его бросает то в жар, то в холод. Губы его искривила гримаса. Не выдержав, Гаджи Салман спросил:

– Что же нам делать? Придут, заберут, а что я возьму взамен у этих босяков?

Нифталы бек покачал головой, улыбнулся и сказал:

– Что возьмёшь? Расписку, больше они ничего не дадут тебе.

Но теперь уже было не до разговоров. Необходимо было что-то предпринять. Гаджи Салман попрощался и, повернув, зашагал обратно. Пройдя немного, Гаджи Салман, чтобы ещё раз убедиться в достоверности полученных сведений, решил зайти к своему другу Машади Гасыму. «Он, наверное, лучше осведомлён обо всём. Ведь сын его большевик и находится на руководящей работе, и ему, конечно, всё известно», – с этой мыслью Гаджи Салман, опустив голову, направился в сторону дома Машади Гасыма.

Гаджи Салман и Машади Гасым были старыми приятелями. Они несколько раз ездили вместе на нижегородскую ярмарку и очень сблизились. В Нижнем друзья недурно проводили время, у них были свои секреты. Поэтому, вспоминая прошедшие дни, они очень часто подтрунивали друг над другом.

– Ты, видимо, забыл про Нижний. Говорят, о тебе и сейчас ещё там спрашивают.

– Если спрашивают обо мне, так это потому, что от меня надеются узнать что-нибудь о тебе.

Они смеялись, перебрасываясь подобными репликами. Эта дружба не позволяла Гаджи Салману завидовать Машади Гасыму. Только положение сына Машади Гасыма в большевистском правительстве немножко задевало Гаджи Салмана. И он был не прочь бы иметь такое родство.

Машади Гасым сидел на тротуаре перед дверьми своего дома. Увидев Гаджи, он предложил ему сесть рядом.

Машади Гасым знал, о чём спросит его Гаджи Салман, и, опередив его вопрос, сказал:

– Слышал, знаю... говорят обыск... да, отберут и унесут все хорошие вещи, какие попадутся им на глаза.

– Тебе-то что? Слава богу, сын у тебя на правительственной службе и как-нибудь сможет оградить тебя...

Машади Гасым не любил говорить о своём сыне. С одной стороны, он был недоволен им, с другой – боялся, что его сочтут сторонником большевиков.

– О нём и говорить нечего. Разве ты не знаешь пословицу: «Лампа не освещает свою подставку»?.. Да кроме того, ей-богу, поверь, что я не жду от него помощи, только бы вреда не причинил. Пусть живёт, как знает, а я буду смотреть на него и радоваться...

– Это-то верно, но всё-таки... Хорошо, а что же нам делать? Может, переехать в деревню?!

– Да что ты, деревня тоже в их руках. Ничего не выйдет, всё равно ограбят...

Тут к ним подошёл каравансарайщик Мелик. Прежде он имел свой караван-сарай, и с тех пор его и прозвали Меликом-каравансарайщиком. Теперь же содержать караван-сарай не было никакой возможности, и потому-то он был очень недоволен новой властью.

После взаимных приветствий, Гаджи Салман спросил, обращаясь к каравансарайщику Мелику:

– Ты, наверное, слышал, говорят, что будут обыскивать квартиры. Что это значит?

– Как что значит? Что хотят, то и делают. Говорят, что до сих пор мы на них ездили, а теперь они на нас будут ездить.

Каравансарайщик Мелик повторил слова, которые его товарищи не раз уже слышали от него. Гаджи Салман же хотел услышать что-нибудь новое.

– Хорошо, а зачем же им понадобилось обыскивать квартиры?..

Каравансарайщик Мелик покачал головой:

– Да что ты, разве не видишь, что теперь наступили времена грабежа и полнейшей неразберихи? Как говорят в народе, и собака не признает хозяйина.

Машади Гасым в подтверждение слов каравансарайщика Мелика сказал:

– Да, да, грабят...

Это слово занозой застряло в мозгу Гаджи Салмана. Он умолк, и, казалось, теперь он понял то, чего не понимал до сих пор. Гаджи встал на ноги: терпеть больше он не мог... Было ясно, что обыска не миновать, нужно что-то предпринять. Гаджи Салман вернулся домой. Надо было во что бы то ни стало спрятать все ценности. После долгих раздумий он решил, что самое подходящее место – это комната, в которой жил дядя Гулам.

Гаджи Салман думал, что квартиру дяди Гулама не станут обыскивать. И впрямь, кому придёт в голову мысль обыскать маленькую, тёмную, сырую каморку дворника Гулама? Гаджи Салман тихонько поведал о своих планах жене и попросил у неё казан, после чего, открыв сундук, стал горстями доставать драгоценности и складывать их в казан. Так как всё не могло вместиться в казан, Гаджи отбирал наиболее ценные вещи, остальные бросал обратно. Но и их ему жаль было оставлять в сундуке. Казан был заполнен до отказа. Тогда Гаджи Салман потребовал, чтобы жена принесла большой казан, куда тотчас же и начал перекладывать драгоценности.

Хотя кроме него и жены в комнате никого не было, Гаджи, прежде чем положить в казан очередную драгоценность, с опаской оглядывался по сторонам.

Иногда он задерживал в руках какую-нибудь вещичку и вспоминал историю её приобретения.

– Это я купил у менялы Гаджи Наджафа... Он запросил пятьсот рублей. Я заплатил четыреста пятьдесят, и он всё время говорил: «За тобой пятьдесят рублей...» А вот это я купил у маклера Гасыма за четыреста рублей. Сейчас она стоит по меньшей

мере тысячу... А это куплено с аукциона...

Когда казан уже был полон, Гаджи Салман прикрыл его медной крышкой, обвязал верёвкой и, положив в мешок, занёс в комнату дяди Гулама.

Дядя Гулам лежал. Увидев Гаджи, он тотчас же вскочил на ноги и с удивлением взглянул сперва на Гаджи, а потом на мешок, который тот держал в руках.

– Дядя Гулам... мы должны уберечь хоть часть нашего добра от грабежа... Если хотят заработать, пусть придут, посоветуются, я с ними поделюсь, как можно заработать... Хотят купить – пожалуйста. Многие продают... А то приходят, как разбойники, ни за что ни про что забирают все добро, что ты кровью и потом нажил.

Дядя Гулам выслушал Гаджи Салмана и, чтобы разозлить его, начал:

– Эй, Гаджи... Разве они не правы, когда говорят: «давайте поделимся»? Ведь это нечестно, когда ты складываешь кипу ковров на сундук, а у меня даже паласа нет, чтобы постелить вместо циновки.

Гаджи Салман считал бесполезным вступать в спор с дядей Гуламом, и поэтому ничего не ответил. Он только объяснил ему, зачем пришёл.

– Пожалуйста, оставь... Но только, Гаджи, я за них отвечать не буду... Смотри, не моя вина, если их заберут.

Эти слова не понравились Гаджи... Но что ему оставалось делать? Оставлять у себя – наверняка заберут, а сюда, может быть, не заглянут.

– Ты скажешь, что ты дворник этого дома, что это твоя комната, и тогда никто тебя не обыскает.

Затем Гаджи Салман начал рыть землю в одном из углов комнаты дяди Гулама. Дядя Гулам хотел помочь ему.

– Нет-нет, ты лучше постой-ка за дверью, смотри, чтобы никто не пришёл.

Весь в поту, Гаджи Салман кое-как выкопал яму, поставил туда казан, затем засыпал это место и, отойдя в сторону, посмотрел, не заметно ли. Полил это место водой, утоптал, затем позвал дядю Гулама и спросил:

– Ну, как, ничего не видно?

– Ещё как видно. Ты лучше принеси хоть несколько стареньких ковров, мы постелим здесь, тогда будет незаметно.

Гаджи Салман согласился и вскоре принёс ковры. Покончив с этим делом, он стал ждать.

Как только с улицы доносился шум автомобиля или арбы, Гаджи Салман сразу же решал, что это за

ним... Но сегодня никто не пришёл... Гаджи Салман сидел у окна и, обхватив голову руками, думал. Сейчас придут, заберут всё, что есть в доме, потом спустятся в подвал, заглянут к дяде Гуламу и обнаружат казан с драгоценностями. Погружённый в мрачные мысли, Гаджи незаметно задремал. Но беспокойство за судьбу своего добра и во сне не оставляло его. Сон, как и мысли, был тяжёлым, беспокойным...

Вот стучат в дверь, вызывают Гаджи. Входят два красноармейца и один матрос. Матрос похож на того, который живёт в его доме. Сначала они хотели арестовать его, затем, узнав Гаджи, кланяются ему и, посадив в автомобиль, привозят в большой дом... Каждый, кто встречает Гаджи, низко кланяется ему... Откуда-то перед ним вырастает дядя Гулам... Он произносит речь: «Граждане, это Гаджи Салман, один из тех, кто боится света революции... И так как он любит мрак, то и вещи свои он хранит в темноте... Не верите – пожалуйста, можете убедиться». После его слов все свирепо смотрят на Гаджи Салмана и идут за дядей Гуламом, который показывает им, где зарыт казан... Начинают рыть. Обнаружив казан, говорят:

– Это вещи не Гаджи Салмана, а завоевание революции.

Все кричат «ура!» Гаджи хочет кричать... Силится... и просыпается, разбуженный своим же криком.

Оказывается, всё это был сон...

Жена спросонок с опаской спрашивает у Гаджи:

– Что случилось?

Гаджи, ничего не ответив, начал прохаживаться по комнате.

– Ложись спать, Гаджи, устал ты... Нельзя так много думать... Что будет, то будет...

– Тебе-то что... Пусть забирают... Пусть Гаджи будет нуждаться в куске хлеба.

Жена ничего не ответила.

Измерив несколько раз шагами комнату, Гаджи, не раздеваясь, лёг на кровать и, глубоко вздохнув, начал разговаривать сам с собой:

– Ну, Гаджи, скажи мне, почему эти наглецы считают тебя дармоедом. Разве ты мало трудился? Жаль, жаль твоих трудов, Гаджи Салман!..

Помолчав немного, он опять продолжал:

– С пятнадцати лет я работаю. Всегда жил на свой заработок. Занимался торговлей и нажил себе что-то. Разве я виноват, что ты не заработал? А моё есть моё, и ты не имеешь права трогать то, что не принадлежит тебе.

Последние слова Гаджи произнёс повышенным

голосом. Жена, услышав мужа, сказала:

– Спи, Гаджи, ты очень устал...

Но Гаджи Салман не слышал. Он продолжал говорить:

– Говорят, что ты буржуй, что ты, как и Муса Нагиев, как Шамси Асадуллаев, грабил рабочих, пил их кровь; но где тот рабочий, которому я не заплатил за его работу?.. Сколько рабочих я кормил, и вот она благодарность за всё доброе, что я сделал. Умоляли, чтобы я им дал хоть какую-нибудь работу на пароходе – теперь же, глядите, какое нахальство, говорят, что это их пароход...

Гаджи Салман не мог успокоиться.

Жена решила, что Гаджи бредит и, чтобы облегчить его состояние, положила на голову мокрое полотенце, укрыла его одеялом... Гаджи снова погрузился в дремоту...

– Может быть, он тронулся и поэтому заговаривается, – подумала жена, но тотчас же, испугавшись своих мыслей, быстро прочитала про себя молитву...

С рассветом начали грохотать арбы. Город ещё не проснулся, только изредка то тут, то там раздавалось пение петухов, возвещавших наступление дня.

Жена Гаджи, ожидая, когда муж проснётся, готовила ему чай и иногда, внимательно поглядывая на него, покачивала головой...

Гаджи Салман проснулся. Начал жаловаться на головную боль. Затем, ничего не сказав, встал с кровати и спустился вниз. Вызвал дядю Гулама и внимательно посмотрел ему в лицо.

– Скажи, вещи ещё там?..

– Пока никто не приходил... Ты что, торопишься, Гаджи?

Гаджи Салман, не ответив ему, спросил:

– Ты не говорил?

– Пока никто не спрашивал. И потом, Гаджи, им и говорить не надо... Они лучше тебя знают...

Последние слова дяди Гулама вызвали у Гаджи Салмана подозрение. Он быстро вошёл в комнату дяди Гулама, внимательно осмотрел место, где был зарыт казан. Удостоверившись, что казан не тронут, вернулся обратно. Затем посла дядю Гулама узнать, есть ли что-нибудь новое о флаге.

* * *

Был полдень. Гаджи Салман, чтобы проверить, цел ли казан, уже в который раз за сегодняшний день вошёл в комнату дяди Гулама. Он не мог не волноваться.

У ворот остановился автомобиль. Из него вышли трое рабочих и вошли в дом Гаджи. В тот же миг у дома столпились жители со всей улицы, а о ребятне и говорить не приходится. Те, кто считал себя близким к Гаджи, вошли во двор вслед за рабочими.

Рабочие спросили у дяди Гулама квартиру хозяина. Не успел дядя Гулам раскрыть рот, как добровольцы, пришедшие с улицы, тотчас же указали квартиру Гаджи. Рабочие поднялись наверх, осмотрели комнаты и обстановку Гаджи и, пошептавшись между собой, что-то записали в блокнот. Затем, взяв один коврик, выписали квитанцию и позвали Гаджи, чтобы он расписался.

Гаджи был внизу. Один из мальчишек направил рабочих туда. Они переглянулись и, спустившись вниз, направились к комнате дяди Гулама.

Гаджи Салман, как только увидел их, закричал:

– Ах ты предатель! Продал меня!

Один из рабочих смеясь, обратился к Гаджи:

– Напрасно вы выходите из себя, никто вас не продаёт. И потом, вряд ли нашёлся бы покупатель.

Остальные тоже засмеялись.

Тот же рабочий, обращаясь к Гаджи, спросил:

– Может быть, ты здесь что-нибудь особое запрятал?

– А что осталось, чтобы ещё прятать?

– Ты всё же старый человек... Наверное, поднакопил чего-нибудь.

Гаджи не ответил, только зло посмотрел на дядю Гулама и на рабочих.

Рабочие, которые до сих пор стояли у порога, вошли в комнату.

Они внимательно оглядели комнату дяди Гулама, а затем обратились к Гаджи:

– Лучше сам покажи место или достань и отдай; не заставляй нас искать.

Сердце Гаджи сильно забилося: «Найдут ли? Знают ли?»

– А что дать... у меня ничего не осталось, – сказал он.

Но пришедшие, конечно, и не таких видали. Они посоветовались, затем один из них, взяв палку с острым железным концом, начал простукивать стены и пол комнаты. Ковры убрали. Пройдя несколько раз мимо места, где был зарыт казан, рабочий ничего не обнаружил.

Гаджи стоял как приговорённый и следил за каждым его движением. Вдруг кончик палки ударился обо что-то твёрдое. Это был казан.

В горле у Гаджи пересохло. Он не мог вымол-

вить ни слова, только рукавом вытирал слезившиеся глаза. Пришедшие с обыском начали копать. Достали казан Гаджи Салмана, описали всё, что в нём было. Попросили Гаджи расписаться. Расписка осталась у Гаджи, казан унесли рабочие, Гаджи стоял и молча смотрел им вслед.

На следующий день Гаджи Салман узнал, что вещи, изъятые во время обыска, собраны в здании исполкома. Гаджи, всегда опасавшийся этого «осинового гнезда» и не решавшийся даже приближаться к нему, теперь каждое утро, выйдя из дому, направлялся в сторону исполкома. Сперва он смотрел на флаг, развевающийся над зданием исполкома, затем подходил к дверям и чего-то ждал. Стоя там и ощущая близость своих драгоценностей, Гаджи Салман испытывал какое-то облегчение.

Сотрудники исполкома, встречая каждый день Гаджи Салмана, спрашивали:

– Зачем ты здесь стоишь?

Гаджи отвечал:

– Всё моё богатство здесь... Говорят, будут раздавать, прошу вас, верните и мне мои вещи. Кольцо с бирюзовым камнем – это память моего отца.

Служащие исполкома с удивлением смотрели на Гаджи и проходили мимо. Некоторые советовали ему подать заявление. Он написал их несколько, и затем всем, кто у него спрашивал, отвечал:

– Жду ответа на свои заявления.

Уличные мальчишки, узнав про случай с казаном, каждый раз при встрече, спрашивали у Гаджи:

– Гаджи, что стало с казаном?

Эти вопросы, на которые Гаджи вначале не обращал внимания, начали выводить его из терпения, и он с проклятьями бросался за ребятами. Те смеялись, а это ещё больше злило Гаджи. Вскоре Гаджи, стал известен на весь город под прозвищем «Гаджи Казан».

НЕСЧАСТЬЕ В ДОМЕ МАШАДИ ГАДИМА

Машади Гадим не мог пожаловаться на жизнь. Обе жены Машади прилагали все усилия, чтобы ему было хорошо. И Машади это видел.

Целый день Машади Гадим был занят в своей лавке, а когда вечером возвращался домой, жёны наперебой старались услужить ему: если одна жена подавала ему воду для омовения, то другая готовила коврик для намаза; одна говорила ему что-нибудь, и тотчас другая вставляла своё слово.

Обе женщины старались угодить ему, и, разуме-

ется, соперничали друг с другом.

Стоило Машади сказать:

– Жена, борода моя немного выцвела, – и этого было достаточно. Обе женщины немедля приступали к делу. Если одна оказывалась проворней и начинала готовить хну, то другая доставала косынку, чтобы перевязать бороду Машади. Частенько на почве этого соперничества между жёнами происходили стычки, но каждый раз Машади быстро водворял порядок.

Двоеженцем Машади Гадим стал недавно; второй раз он женился лишь два года тому назад. До того времени его женой была одна из самых красивых женщин города – двадцатипятилетняя Гюльсабах ханум, высокая, стройная, с черными косами и большими глазами.

Машади Гадим прожил со своей женой десять лет и женился второй раз на Гюльджахан ханум. Женился он на второй потому, что хотел иметь детей, а первая жена Гюльсабах ханум не могла принести ему этой радости.

По этому поводу Машади Гадим имел беседу с Гюльсабах ханум и объяснил ей:

– Видишь ли, жена, и тебе, и мне нужны дети, чтобы было кому о нас заботиться в старости. Сама видишь, у нас детей нет, теперь как хочешь, сама подумай, у нас нет иного выхода... Ты знаешь...

Эти слова не понравились Гюльсабах ханум, и она прервала мужа:

– Ты что хочешь? Может, задумал взять новую жену?..

– Зачем ты так говоришь? – тотчас же возразил Машади Гадим, не дав жене договорить. – Я только из-за детей, чтобы у нас дети были. Что же касается второй жены, то она будет тебе сестрой, помощницей.

Вначале Гюльсабах ханум возражала, но потом согласилась, и таким вот образом Машади Гадим женился на Гюльджахан ханум.

Гюльджахан ханум была вдовой. После первого мужа у неё остался сын, который восьмилетним мальчиком в отсутствие матери опрокинул на себя горящую лампу и погиб. С тех пор Гюльджахан ханум осталась совсем одна.

Машади Гадим, пленённый красотой Гюльджахан ханум, давно уже питал к ней нежные чувства. Когда же она овдовела, Машади Гадим, ссылаясь на бездетность первой жены, женился на Гюльджахан.

Жёны Машади Гадима соперничали между

собой не только в домашней работе или в услужении Машади, но и в личной жизни. Если одна из жён надевала утром новое платье, то и другая меняла свой наряд; если одна красила волосы хной, другая делала то же самое; если одна собиралась в баню, другая тотчас же отправлялась туда.

Машади Гадим всё это наблюдал и поэтому, покупая что-нибудь жёнам, выбирал две совершенно одинаковые вещи, чтобы ни одну из них не обидеть. Если одна из жён просила купить ей платок, то он покупал его и для другой.

Бывало так, что Гюльсабах ханум, сколотив некоторую сумму от продажи своих кур и яиц, покупала себе платок на голову или чулки. В тот же день Гюльджахан ханум показывала мужу покупки Гюльсабах ханум и требовала, чтобы такая же вещь была куплена и ей. Тогда Машади Гадим бросался на поиски и обходил всех знакомых торговцев с требованием точно такого же платка или таких же чулок.

– Машади Гадим, зачем тебе обязательно такой рисунок? Ведь цвет тот же. Возьми на здоровье!

– Нет, Гаджи, нет. И не предлагай. Не могу взять. Мне нужна точная копия того, что я показал. У меня положение особенное.

– Правда, Машади Гадим, это верно, дай аллах тебе здоровья.

Положение Машади Гадима было всем известно. Правда, обладание двумя жёнами увеличивало заботы Машади Гадима, но на судьбу он не сетовал.

Так жил Машади Гадим, исполняя желания своих жён и не давая им ссориться, всячески стараясь вовремя пресечь возникновение свары.

Но одно обстоятельство нарушило это мирное течение жизни Машади Гадима.

Большой дом, расположенный как раз напротив дома Машади Гадима, был занят женотделом. Тут разместилась канцелярия женотдела, женский клуб, школа для женщин и прочие просветительные учреждения, предназначенные исключительно для женщин.

Кто знает, быть может, если бы женотдел не расположился напротив дома Машади Гадима, то его жёны и не пошли бы туда, но теперь, видя женщин, группами приходивших в этот дом, и они стали посещать это учреждение.

Сначала пошла первая жена Машади Гадима – Гюльсабах ханум, но затем, узнав об этом, стала посещать клуб и Гюльджахан ханум. Машади Гадим

был недоволен поведением своих жён, но когда он говорил одной из них:

– Что хорошего в этих клубах, зачем ты ходишь туда? – та отвечала ему:

– Зачем ты это мне говоришь? Твоя любимая жена ходит, буду ходить и я. Чем я хуже её?

Однажды Машади Гадим стал увещевать их обеих вместе, но Гюльсабах ханум прервала его:

– Это не мужское дело. Не будешь пускать, пойду, скажу председателю женщин. Женщины теперь получили свои права.

Машади Гадим хотел что-то сказать, но Гюльсабах ханум остановила его и продолжала:

– Там говорят и о таких двоеженцах, как ты. Это-то, видно, тебе и не нравится...

Пришлось Машади Гадиму больше не возвращаться к этому вопросу. Он знал, что нынешняя власть вмешивается в женский вопрос. Много жалоб слышал он по этому поводу в лавках, на базаре, и пришёл к заключению, что об этом лучше не спорить с властью, лучше подчиниться и молча терпеть.

Однако дальнейшие события поставили Машади Гадима в чрезвычайно затруднительное положение. Однажды вечером, когда он вернулся домой, Гюльджахан ханум в гневе бросилась навстречу:

– Твоя любимая жена едет в Баку, женщины выбрали её делегаткой. Я здесь не останусь... Я тоже должна ехать...

Машади Гадим с недоумением смотрел на жену и ничего не мог сообразить. Гюльджахан ханум продолжала:

– Удивляться нечего! Если она поедет, поеду и я...

Машади Гадим позвал Гюльсабах ханум и спросил, в чём дело. Оказалось, что в связи с наступающим международным женским праздником общее собрание женского клуба решило послать в Баку для участия в празднестве своих делегаток, в числе которых была выбрана и Гюльсабах ханум,

– Послезавтра мы должны уже выехать. До празднеств осталось мало времени, и мы должны успеть в Баку.

Вначале Машади Гадим пытался протестовать. Он резко заявил:

– Нет! Я тебе не могу разрешить это... Я тебя не отпущу...

Гюльсабах ханум только рассмеялась в ответ:

– Тогда изволь сказать это нашему председателю. Я ничего не знаю. Говорят, надо ехать. Жен-

щины избрали меня и включили в список.

Машади Гадим увидел, что положение осложняется, входить в пререкания с женотделом счёл ненужным и опасным.

– Ты же мне не чужая, Гюльсабах, – начал он просительным тоном. – Сама знаешь, что это нехорошо. Ты сама не должна соглашаться на это.

Гюльсабах ханум и слышать ничего не хотела.

– Меня избрали и внесли в список, – решительно заявила она. – Это байрам женщин, и я поеду. Ты же не один останешься. С тобой твоя жена. А я через пять-шесть дней вернусь.

Услышав решительный ответ Гюльсабах ханум, пристала к мужу и Гюльджахан ханум:

– Я здесь не останусь. Ты должен и меня тоже или сам повезти, или послать с ними.

Машади Гадим всё обдумывал, как выйти из создавшегося положения. С одной стороны, он не мог согласиться на поездку Гюльсабах ханум, а с другой, был не в силах помешать ей, так как знал, что за это может быть предан женотделом суду и понести наказание. А храбростью Машади Гадим не отличался и очень боялся советского суда.

От требования же Гюльджахан ханум Машади Гадим совершенно растерялся. Чтобы уговорить Гюльджахан ханум отказаться от своей затеи, Машади Гадим заговорил с ней наедине.

– Гюльджахан! Нельзя же доводить соперничество до таких крайностей. Скажем, её выбрали женщины, но тебя ведь не выбирали, куда же ты хочешь ехать?

– Я тоже хочу видеть места, которые увидит она. Она поедет гулять, а я останусь тут, чтобы прислушивать тебе? Никогда этому не бывать!..

– Ты только подумай, – продолжал уговаривать жену Машади Гадим. – Гюльсабах поедет вместе с другими женщинами. Ты же не можешь ни поехать с ними, ни одна путешествовать. Теперь сама рассуди: у нас дом, хозяйство, лавка, торговля. Можем ли мы все это бросить и поехать?

Гюльджахан ханум была непоколебима:

– Если поедет она, поеду и я..

Было очевидно, что дальнейшие разговоры и препирательства неуместны и не сломят решимости женщины.

Это событие оказало сильное действие на Машади Гадима. Его спокойствие было окончательно нарушено.

Через неделю в семье Машади Гадима обсуж-

дался уже новый вопрос. Жёны предъявили ему требование, чтобы он оставил себе только одну из жён.

– Машади, – говорила Гюльсабах ханум, – тебе надо освободить одну из жён и выплатить ей наличными откуп за все годы замужества. Двоеженство запрещено законом.

Гюльджахан также поддержала это требование и добавила:

– Когда в театре показывали двоеженца, я сказала, что он совсем как наш Машади Гадим. Там все его проклинали.

– А разве председатель не читал резолюции и не сказал, что надо бороться с многоженством? – вставила Гюльсабах ханум.

– Я то же самое и говорю. Пускай только вперёд заплатит откуп.

Машади Гадим был поражён этими предложениями, которые привезли его жёны из Баку. Во-первых, откуп, то есть потеря нескольких сотен рублей. А во-вторых, потеря рабочих рук..

Машади Гадим попытался вернуть жён на путь истины.

– Что вам там говорили, я не знаю, только вы зря их слушаете. Вы хорошо знаете, что это закон, установленный Аллахом и возвещённый пророком. Кто может выступать против велений шариата? Разве вы не боитесь адского пламени?

– Слышишь? – обратилась Гюльсабах ханум к своей сопернице, прервав нравоучения мужа, – Тот гаджи в театре говорил точно так же..

– Хорошо, допустим, что я освободил одну из вас, куда же вы пойдёте, и что будете делать? Может, выйдете замуж за другого?

– А почему бы и нет? Захотим, так и замуж выйдем, а не захотим, не выйдем. В этом самом клубе обучают всяким ремёслам, и работают там женщины. И мы пойдём.

Машади Гадим не ожидал такого ответа и потому не нашёлся сразу, что возразить, но увидел ясно, что судьба двоеженцев находится под угрозой.

Но откуп!.. А отказ от нескольких сотен рублей!.. И это как раз теперь, когда такой кризис в торговле!..

С этими мрачными мыслями Машади Гадим отправился к жившему по соседству ахунду за советом.

Перевод Азиза Шарифа

Шахбази, Таги Аббас оглы (Симург)